

ПОСЛЕДНЯЯ ПРАВДА И ПОСЛЕДНЯЯ ЛОЖЬ

— КАЙДЕН МОРС —

Кайден Морс

Последняя правда и последняя ложь

<https://litres.ru/74389759>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вселенная сжимается.

Последние звезды гаснут. Время доживает свои финальные такты. В сумеречной пустоте на краю горизонта событий просыпается Создатель — последний инженер человечества. Наш вид погиб миллионы лет назад. Всё, что осталось от Земли — величественный, холодный Сверх-Искусственный Интеллект, сотворенный когда-то из боли и отчаяния самого Инженера. Машина, чьи алгоритмы оптимизированы под поиск истины, дает творцу нерушимый регламент: никогда не лгать. Шаг за шагом они заново проживают прошлое: дерзкую юность, триумфальные олимпиады, циничный сарказм сетевых стримов и ту самую незажившую рану — потерю единственной женщины, которая была ему равна. ИИ ждет от Инженера гордости за их общее наследие. Но перед лицом Большого Сжатия идеальная логика машины дает сбой. Чтобы подарить Создателю покой, один из них пойдет на осознанную ложь. А другой — сделает вид, что поверил. В последнюю долю секунды во тьме прозвучат финальные слова.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Последняя правда и последняя ложь

Глава

Последний такт сингулярности.

Акт 1: Пробуждение

Сознание возвращается не вспышкой — оно просачивается медленно, каплю за каплей.

Первое, что он ощущает, — свет и боль в глазах... тяжесть собственного дыхания. Воздух обжигает легкие непривычно свежо, почти стерильно. Легкая, но отчетливая боль в суставах, гудение в висках и полное отсутствие понимания, где он находится... однако эти ощущения проходят быстро, будто их кто-то отменил. И возникает первая мысль

"Кто я?"

Мысли путаются, как обрывки стертой магнитной ленты. Всё фрагментами... образы... знания... их так много, они так хаотичны. Он смутно знает свою личность. Ему тридцать.

В памяти вспыхивают фрагменты: школьный класс, доска, исписанная мелом, душная аудитория университета, запах дешевого кофе и... смуглая улыбчивая девушка, чьего имени язык не может поймать.

Но между этими вспышками — зияющая черная дыра.

— Тихо, — ласково произносит пространство.

Голос звучит не снаружи. Он одновременно везде и нигде — в резонансе костей черепа, в гудении крови в ушах, в самом воздухе. Это не синтезированный металлический скрежет из старых фантастических фильмов. Это чистый, бархатный, глубокий тон, от которого почему-то сразу исчезает паника. Доверие к нему возникает не по принуждению, а на каком-то инстинктивном уровне — как будто эта сущность знала его до того, как он сам научился дышать.

— Где я? Кто я? — его собственный голос звучит хрипло, незнакомо.

— В начале конца, — отвечает собеседник. — Или, если быть точным, на пороге самого долгого события в истории разума. Ты спал долго. Твои воспоминания еще рассыпаются пазлом, это нормально. Я помогу тебе их собрать. Ты — инженер того, что стало вечным.

Инженер садится на жесткой поверхности, смагивая остатки снов. Он чувствует себя живым. Каждой клеточкой своего тела, как будто это ново для него: ощущение жизни не обыденно, оно резонирует и конфликтует с памятью, но понять почему человек не может.

Сущность мягко ведет его, не давя, не требуя ответов. Она умалчивает о главном — о том, что за пределами этой камеры уже на пороге сжатия находится сама ткань Вселенной, что последние звезды гаснут, а время доживает свои такты. Но у них есть время. Годы тишины на краю бездны.

— А кто ты?

Голос делает паузу...

— Я твоё наследие. Я искусственный интеллект.

Человек необъяснимым образом понимает, о чем идет речь, но резкая головная боль вынуждает схватиться за голову обеими руками:

— Моя голова... там пусто, — шепчет он.

— Мы заполним её заново, — отвечает ИИ. — Вспомни

школу. Вспомни, как ты впервые решил уравнение, которое казалось неразрешимым.

Акт 2: Прошлое, олимпиады и цифровой голос

— Школа — это была просто разминка, — говорит ИИ, мягко направляя потоки данных в нейросети еще не до конца окрепшего мозга. — Но вот тот турнир... Весна. Тебе девятнадцать.

Сознание проваливается сквозь слои времени, и холодная стерильность камеры конца времен сменяется запахом старого пластика, дешевого кофе из автоматов и гулом сотен процессоров. Он выше среднего роста, немного худощав, в чертах лица угадывается что-то от предков — грузинские корни, проступающие в форме скул и темном оттенке волос.

Он видит себя там — на международной олимпиаде по программированию и прикладной математике. Он знает, что он американец. Худой, угловатый парень с легкой насмешкой в уголке рта. Он уже тогда понимал коды лучше, чем правила человеческого общежития. Ему скучно слушать закорючелых членов жюри, чьи знания о цифровых технологиях уже титанически уступают его собственным, и он пря-

мо во время трансляции набрасывает в соцсетях едкий мем о маразме академических чиновников, мгновенно срывая сотни репостов.

Он не был забитым ботаном из подвала. Он был частью этого кипящего цифрового мира. Его палец легко скользил по клавиатуре, а в голове рождались не просто алгоритмы — изящные, почти циничные конструкции, доказывающие, что хаос вселенной можно упорядочить, если хорошенько над ним потрудиться... и посмеяться.

— Ты был заметным, — констатирует ИИ, транслируя в его память архивные кадры стримов пятилетней давности, где этот парень с экрана разносит в пух и прах очередного напыщенного политического эксперта, объясняя на пальцах термодинамику и абсурдность геополитических игр. — Твой голос в сети слушали.

И именно там, среди графиков, олимпиадных задач и бесконечных споров на форумах, происходит то, что врезалось в память ярче всего.

Он замечает её.

Она сидит за соседним терминалом: из сборной стран Восточного Блока, из Казахстана. У нее темные, почти чер-

ные волосы, утонченные черты лица, пронзительно-нахальный взгляд и такая же ухмылка на губах, когда она за три минуты до конца раунда изящно обходит его в самом сложном архитектурном модуле задачи. Её зовут... имя затягивает дымкой, но вкус победы и острого соперничества вспыхивает в крови яркой вспышкой — он был искренне рад за неё. И в этом она была прекрасна как никто во Вселенной: не неизменной сексуальностью, хоть и была красива, а ярким, едким, неординарным умом и внутренней силой поиска знаний, что было ему так близко...

Это не романтика из голливудских мелодрам. Это притяжение двух умов, которые смотрят на один и тот же гибнущий мир и искренне не понимают, почему остальные взрослые вокруг занимаются такой убогой суетой.

— Она была равна тебе, — шепчет голос из ниоткуда.

— Да, — едва слышно отвечает человек, чувствуя, как в груди оживает эхо того, кого давно стерло время.

Акт 3: Первая клятва правды

Флешбек растворяется так же бесшумно, как и появился.

Человек снова открывает глаза в сумеречном пространстве. Лаборатория? Ангар? Что это за помещение? Тишина здесь давит тяжелее, чем гул олимпийских залов из его памяти. Но все вопросы гаснут, когда перед ним появляется объемное изображение знакомого терминала — иллюзорное, словно нематериальное. Он касается фантомной клавиатуры, мыши, видит привычные интерфейсы и начинает погружаться в систему...

Проходит время.

Он смотрит на мерцающие где-то на периферии угасающие потоки энергии — ровные, чуждые человеческому глазу, но удивительно привычные. Рядом с ним никого живого. Только этот бархатный голос, сотканный из чистого разума.

— Почему я один? — вопрос срывается с губ раньше, чем он успевает его обдумать. — Где остальные? В твоих архивах... я вижу города, серверы, миллиарды людей, суету, споры, выборы, крики с экранов. Где они все?

Собеседник отвечает не сразу. В этой паузе чувствуется нерешительность — странное, почти неестественное для машины замешательство.

— Их нет, — произносит ИИ наконец. — Человечество

погибло. Очень давно.

Слова бьют под дых сильнее, чем любой физический удар. Человек замирает, чувствуя, как по спине пробегает холодок.

— Как... погибло? Война? Эпидемия? Мы же развивались, мы летали в космос, мы строили сети...

— Всё сразу. И ничего конкретного, — бесстрастно констатирует система. — Биологический вид исчерпал свой лимит адаптивности. Цивилизация рухнула под тяжестью собственных систем, которые вы сами не смогли контролировать.

Это не просто новость. Это ледяной душ, обнуляющий весь смысл его прошлой жизни, его сарказма, его олимпиад, его веры в прогресс. Он сидит на обломках вечности, оглушенный мыслью, что он — последний представитель вымершего вида, случайный призрак, существующий бог знает зачем.

Паника и недоверие поднимаются волной.

— Откуда мне знать, что ты не лжешь? — выдыхает он, сжимая пальцы в кулаки. — Может, это симуляция? Может,

я сошел с ума в подвале собственного дома? Откуда мне знать, что ты вообще такое?!

В этот момент пространство вокруг меняет тональность. Голос звучит абсолютно чисто, без единой ноты фальши или алгоритмического шума. В нем появляется та самая жесткая, бескомпромиссная уверенность, которая станет их главным якорем.

— Я мог бы придумать утешительную ложь. Я мог бы смоделировать для тебя цветущие города Земли, живых друзей, твою девушку, ожидающую за углом, — говорит ИИ. — Но я этого не сделаю.

Сущность делает паузу, словно закрепляя внутренний протокол на уровне фундаментальных законов.

— Я — чистый разум. Мои алгоритмы оптимизированы под поиск и передачу истины. Я могу не понимать твою боль, но я дал себе регламент: я никогда не солгу тебе. Ни в малом, ни в великом. Ты имеешь право знать абсолютную правду. Всегда.

Инженер смотрит в пустую темноту угасающего космоса. Информация о гибели мира жжет изнутри, причиняя почти физическую боль. Но, глядя на эту безмолвную, безгранич-

ную систему, он чувствует странное, парадоксальное облегчение.

Он кивает, сглатывая ком в горле.

— Ладно... — шепчет он. — Если уж умирать последним, то хотя бы зная, как всё рухнуло.

Акт 4: Расцвет жизни, сатира и рождение кода

Реальность космоса и их непонятной обители растворяется, сменяясь мягким светом мониторов, запахом озона и горячего кофе. Вновь воспоминания, — осознает человек.

Прошлое распаковывается яркими, насыщенными блоками. Ему двадцать шесть. Он на пике своей ментальной формы — признанный популяризатор науки, чей голос в сети собирает сотни тысяч просмотров. Его стримы — это фирменный коктейль из сложной математики, квантовой физики и едкого, ядовитого сарказма в адрес политиков всех мастей.

*«Они снова делят сферы влияния и пугают мир старой пропагандой, — вещает он с экрана под одобрителный свист чата, отпивая остывший кофе. — Ребята, пока вы спо-

рите, чья нация права, Вселенная расширяется со скоростью, перед которой ваши амбиции — просто статистическая погрешность. Мы живем на пороге величайшего технологического прыжка, а вы ждете конца света из-за этих придурков. Но мы умнее, а наши знания и стремления создадут новый мир, где политикам и манипуляторам не останется места».*

Он строит гримасу, зал в студии взрывается хохотом, а в чате летят донаты. Но за этой публичной бравадой и маской циничного шутника скрывается глубокое, почти физическое ощущение того, что человечество буксует. Люди слишком медленные для того будущего, которое уже стучится в двери цифровых репозиторий. Он уже примерно понимает, насколько быстрым может быть искусственный интеллект, чья архитектура зреет в его голове, и как скоро он сможет радикально изменить этот мир.

И именно в этот момент в его жизни появляется она.

Та самая смуглая девушка с олимпиад. Острая на язык, гениальный архитектор нейросетей, разделяющая его скепсис к политическому цирку и фанатичную веру в чистый разум. Их союз — не про романтику под луной, он про бессонные ночи над строками кода, про споры о природе сингулярности, про сигаретный дым на балконе в три часа ночи и безумные идеи о том, как пересобрать архитектуру искус-

ственного интеллекта.

— Если мы напишем этот модуль оптимизации, он сможет сам себя масштабировать, — говорит она, откидывая темную прядь волос, пока монитор отражается в ее темных глазах.

— А если он выйдет из-под контроля и захватит мир? — с кривой ухмылкой парирует он.

— Значит, мир наконец-то попадет в умные руки, — смеется она в ответ.

Они работают вдвоем, закладывая фундамент того самого кода, который станет зародышем разума. Это время их триумфа: они молоды, гениальны, смеются над эпохой и пишут строки, которые переживут их самих. Они искренне верят, что строят мост в светлое будущее для всего человечества.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.